

УДК 81'367

Капинус Е. Л.

ЭЛЕМЕНТАРНЫЕ И ЦЕЛЬНЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ В ПРАВОВОМ ДИСКУРСЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ДОКУМЕНТАЦИИ ПО РЕШЕНИЯМ АДМИНИСТРАТИВНОГО ТРИБУНАЛА МЕЖДУНАРОДНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ТРУДА)

В статье рассматриваются текстовые единицы одной из областей правового дискурса, которые функционируют на синтаксическом уровне. Описываются лингвистические характеристики исследуемых единиц, а также их влияние на коммуникативные цели дискурса.

Ключевые слова: рекуррентный участок, текстовый корпус, функция сообщения, частотность.

Капинус О. Л. Еlemenтарні й цільні речення в правовому дискурсі (на матеріалі англomовної документації рішень Адміністративного трибуналу Міжнародної організації праці). – Стаття.

У статті розглядаються текстові одиниці однієї з областей правового дискурсу, які функціонують на синтаксичному рівні. Описуються лінгвістичні характеристики досліджуваних одиниць, а також їх вплив на комунікативні цілі дискурсу.

Ключові слова: рекуррентні ділянки, текстовий корпус, функція повідомлення, частотність.

Kapinus E. L. Elementary and integral sentences in Legal discourse (based on the English documentation of Administrative Tribunal of the International Labor Organization judgments). – Article.

The article considers the text units of one of the Legal discourse areas, which function at syntactical level. The linguistic characteristics of the researched units as well as their impact on discourse's communicative goals are described.

Key words: recurrent sites, text corpus, function of notification, frequency.

Правовой (судебно-процессуальный) дискурс можно назвать уникальным явлением в лингвистике. Являясь едва ли не самым популярным объектом для исследований, он рассматривается двумя категориями специалистов, профессиональные цели которых совершенно не совпадают – лингвистами и юристами. Однако и лингвисты, и юристы анализируют в правовом дискурсе идентичные проблемы – лингвистические методы, приемы, технику употребления слова в процессах разработки, применения и исполнения норм права. Обе эти категории специалистов интересуются языковыми чертами норм права и общими принципами словесной организации нормативных высказываний.

Таким образом, актуальность статьи обусловлена повышенным интересом к вопросам изучения влияния функций лингвистических элементов на реализацию наиболее эффективного правового общения.

Сегодня самые разнообразные аспекты правового дискурса активно освещаются украинскими и зарубежными лингвистами. Так, характеристикам юридической терминологии, ее становлению, развитию и функционированию посвящены исследования И. Гумовской, Э. Дерди, А. Ляшук, Я. Манжос, L. Solan, T. Gales, B. Slocum [5; 6; 9; 10; 21; 22].

Методика дискурсивного анализа исторических документов, относящихся к судебно-процессуальной практике начала XX века, продемонстрирована в работе Т. Рогожниковой и А. Белобородовой [13]. Акцент на описание исторических особенностей правового дискурса сделан в исследовании В. Сморгуневой [14].

Не менее значимыми являются работы правоведов, в которых доказана необходимость тщательного исследования лингвистики документального

материала для его дальнейшего использования в юридической практике [4; 12; 19]. Однако в настоящее время основными объектами правовых дискурсов чаще становятся права личности в обществе и их защита, что прослеживается, например, в трудах Т. Заворотченко, В. Тимашова [7; 16].

Настоящая статья посвящена исключительно лингвистическому анализу правового дискурса. Однако несмотря на заявляемую односторонность исследования, т. е. отнесенность результатов только к одной (лингвистической) теме, следует признать, что при описании лингвистических единиц правового дискурса необходимо подчеркивать их двоякий характер и влияние правовых понятий на функционирование той или иной единицы.

В качестве материала исследования использовались тексты, представленные в документации Административного трибунала Международной организации труда (Administrative Tribunal of the International Labor Organization) [23], которые входят в общий ареал правового дискурса. Административный трибунал Международной организации труда (далее – АТМОТ) рассматривает споры, касающиеся выплаты возмещения в случае инвалидности, болезни, несчастного случая и т. п., а также жалобы на несоблюдение договоров о найме. В материал включены решения суда (Judgments) №№ 481–497 [23]. Документы АТМОТ уже рассматривались в работах некоторых авторов, однако в этих исследованиях не была затронута синтаксическая составляющая правового дискурса [17; 18]. Поэтому к научной новизне в представляемой статье может быть отнесен также и выбор объекта исследования – синтаксических единиц, реализуемых в правовом дискурсе.

Цель статьи – представить результаты лингвистического анализа синтаксических единиц

правового дискурса – элементарных и цельных предложений, встречающихся в документации о решениях АТМОТ, и определить степень влияния подобных единиц на успешность достижений социально значимых коммуникативных целей.

Поставленная цель предусматривает выполнение следующих задач:

- сформировать текстовый корпус из документов о решениях АТМОТ, который является частью правового дискурса;

- изучить теоретические аспекты вопроса об элементарных и цельных предложениях для их безошибочного отбора и классификации;

- создать классификационный список всех предложений, функционирующих в текстовом корпусе;

- рассмотреть частотные характеристики исследуемых синтаксических единиц и доли, которые они занимают в текстах;

- определить в синтаксических единицах анализируемой области правового дискурса особенности, которые характеризуют их лингвистическую и социальную (правовую) стороны, их возможное взаимодействие.

Прежде чем приступить к изложению основных результатов исследования, необходимо сказать несколько слов о теоретической стороне учения о синтаксических единицах – предложениях. Подобно слову и словосочетанию, предложение относится к области номинативных средств языка. Согласно определению ученых номинация – это название объектов действительности, их свойств и отношений между ними [15, с. 249].

Структурная схема предложения представляется как элементарное предложение, которое становится цельным с помощью схемы развертывания, роль которой выполняют синтаксические конструкции, фразеологические единицы, аналитические формы слов. Из таких рекуррентных участков состоит цельное предложение. Рекуррентным участком может оказаться элементарное предложение и начало следующего элементарного предложения, которое называется клише. Таким образом, разновидностями участков цельного предложения могут быть все вышеперечисленные рекуррентные участки [1; 2].

Простые предложения бывают односоставными и двусоставными. Основой последних является вербализация, которая выражается предикативной единицей [8, с. 277]. Сложное предложение рассматривается как синтаксическая форма, которая выражает сообщение, осуществляет один акт коммуникации и формально отличается от простого предложения тем, что включает более одной предикативной единицы и выражает какое-то отношение между событиями. Конституирующим признаком сложного предложения является показатель связи частей, т. е. коннектор или конъюн-

ктор (союзные и относительные местоимения и наречия, сочинительные союзы и их эквиваленты) [20, с. 13].

Сложноподчиненным называют такое предложение, которое включает хотя бы одно подчинительное предложение. Выделяют следующие особенности подчинительного предложения: наличие по меньшей мере двух единиц одного порядка, построенных по тем же моделям, что и предложение; смысловую, структурно-грамматическую и интонационную связь этих единиц, которая проявляется в их смысловой и формальной несамостоятельности и наличии средств связи; неравноценность этих единиц в формально-структурном плане и т. д. Для сложноподчиненного предложения существенным является наличие подчиненного предложения, а главное предложение может выражено любой базой [3, с. 55].

Что же касается сложносочиненных предложений, то такие авторы, как Э. Сепир, В. Богородицкий, Ш. Балли и др. вообще не признают их существования, считая, что объединение нескольких предложений при отсутствии подчинительной связи – это единство не синтаксическое, а контекстуальное (смысловое и пунктуационное, т. е. это серия самостоятельных предложений, а не одно предложение). Однако здесь мы придерживаемся точки зрения Я. Биренбаума [3], который отмечает, что если отрицается существование сложносочиненного предложения, то тем самым отрицается и существование сложного предложения вообще. Поэтому в настоящей статье сложносочиненное предложение рассматривается наряду со всеми признаваемыми лингвистами-теоретиками синтаксическими единицами.

Таким образом, указанные теоретические положения стали основой для последующего анализа элементарных и цельных предложений, функционирующих в одной из областей правового дискурса – документации о решениях АТМОТ.

Необычной особенностью лингвистического анализа текстов судебно-процессуальных документов представляемого типа является то, что в них следует выделять, прежде всего, основную и периферийные части и рассматривать каждую часть отдельно. Основная часть текста в документах этой области правового дискурса посвящена функциям сообщения и воздействия, поскольку в ней важно не только изложить факты, но и придать им убедительность.

Функция сообщения реализуется зачастую простыми предложениями или сложными с придаточными дополнительными. Функция воздействия достигается рассуждением и доказательствами, которые реализуются сложноподчиненными предложениями с последовательным подчинением или предложениями с двумя или несколькими главными предложениями с подчинением.

Путем подсчета было определено, что текстовый корпус состоит из 500 предложений, которые подверглись дальнейшему анализу. Из списка 500 предложений было выделено 164 простых. Количество сложноподчиненных предложений с одним подчинением равно 131 единице. Из сложных с одним подчинением следует выделить (как наиболее многочисленные) предложения с придаточными дополнительными предложениями. Их многочисленность обусловлена присущей этой области правового дискурса функцией сообщения. Таких предложений насчитывалось 55 единиц. Например:

"In its reply the PANO contends that the complainant was not entitled to have his normal place of residence changed on account of his promotion".

За ними по частоте идут определительные придаточные предложения – 43 предложение (33% от всех анализируемых предложений), например:

"It was therefore only reasonable for them to expect the benefits the complainant was refused".

Оба типа предложений (дополнительные и придаточные) могут быть связаны с главным предложением как с помощью союза, так и асиндетически. Обстоятельственных придаточных предложений было насчитано 38 единиц (25% от всех предложений), например:

"When she was tested in Rome she was not residing there".

В зоне низких частот находятся условные придаточные предложения. Они встретились всего шесть раз.

Из многоступенчатых предложений наиболее многочисленной является группа предложений с последовательным подчинением. Их насчитывается 95 единиц. Например:

"In fact the decision emanated from the assistant Director-General for Administration and Finance, who had announced in his memorandum of 5 December that participation in the demonstration would be considered "unauthorized and unjustified", words which showed that he envisaged action under Staff Rule 302.524".

Следующей по частоте является группа предложений, состоящих из двух предложений с подчинением. Таких предложений зарегистрировано 49 единиц. Например:

"The FAO is naturally interested in having a list of qualified secretaries for possible recruitment, and the mere fact of testing the complainant gave her no reason to believe that she was being recruited".

Для основной части документа типичны сложные предложения с двоеточием, раскрывающие суть следующего предложения. Такая особенность обычно связана с функцией рассуждения. Например:

"Its argument runs: the words denote only professional and higher category staff and General Service category staff with non-local status; under

Staff Rule 302.406.31 a General Service category staff member is non-local only if recognized as such on 31 January and in continuous service since; the complainant became a General Service category member after 31 January..."

Сложное предложение с двоеточием может встречаться и для описания причин происходящего, например:

"Besides the demonstration was fully justified: there had been breach of an agreement concluded between the Director-General and appended to complainant".

Необходимость в таких предложениях также связана с функцией рассуждения.

Для текстов этой области, входящей в правовой дискурс, характерны сложные предложения, в которых придаточное первой степени подчинения включает придаточное второй степени субординации, например:

"In answer to her inquiry about employment she received in London from the FAO an application form and a letter saying that if she came to Rome she might take a typing rest".

Для выражения маловероятного условия употребляется форма *should+Infinitive*, которая вводится с помощью инверсии [1, с.92], например:

"Should the Tribunal hold that the FAO's recruitment policy is contrary to the principle of equality, the complainant claims non-local status and related entitlement".

Таким образом, результаты анализа показали, что основной части этого документа свойственны сложные предложения с последовательной субординацией, т. е. главным свойством данного типа документов является логичность, т. е. определенность мыслей, последовательность изложения, доказательность аргументов, обоснованность выводов [11, с. 41]. В основе логичности лежат рассуждения и доказательства, что и обеспечивается описанными выше языковыми средствами, функционирующими на синтаксическом уровне.

Итак, из всего вышеизложенного можно сделать следующие выводы.

Большая часть предложений, встречающихся в текстовом корпусе документов, посвященных решениям АТМОТ, являются простыми – 164 единицы, т.е. 33% всех проанализированных предложений. Они придают некоторую динамичность повествованию, которое иначе казалось бы излишне формализованным и вялотекущим.

На втором месте по частотности использования стоят сложноподчиненные предложения с одним подчинением. Их общее количество достигает 131 единицы, т. е. 25% от всех предложений.

Из сложноподчиненных с одним подчинением выделяется группа с придаточным дополнительным предложением. Таких единиц насчитывалось 55: 11% от всех исследуемых предложений и поч-

ти 42% от всех сложноподчиненных предложений. На втором месте находятся предложения с придаточными определительными – 43 единицы (9% от всех предложений корпуса и 33% от сложноподчиненных предложений). Предложения с придаточным обстоятельственным составляют список из 38 единиц – 7,6% от всех предложений и 25% от сложноподчиненных предложений.

Сложные предложения являются существенной частью списка синтаксических единиц, встречающихся в анализируемом текстовом корпусе. Самые частотные – предложения с последующим подчинением (95 единиц и 19% от всех предложений документов); предложения из двух предложений с подчинением – 40 единиц и 10% от всех предложений; сложные предложения с двоеточием и предложения со сложной иерархией подчинения также включены в список сложных предложений, хотя и представляют собой группу достаточно низкочастотных синтаксических единиц.

Несмотря на то, что в статье описываются результаты лингвистического анализа простых и цельных предложений, необходимо отметить, что в текстовом корпусе решений АТМОТ наблюдалось определенное взаимодействие между лингвистическими и коммуникативными характеристиками синтаксических единиц. Это показывает, что синтаксис служит также для достижения социальных целей при использовании правовых документов.

Дальнейшие исследования могут быть связаны с той же малоизученной лингвистами областью правовых документов, которая являлась предметом исследования в данной статье – документацией по решениям Административного трибунала Международной организации труда. Однако в центре внимания будут находиться другие единицы синтаксиса, единицы так называемого «малого синтаксиса» – словосочетания, сложные атрибутивные конструкции и др.

Литература

1. Барабаш Т. Теоретическая грамматика английского языка / Т. Барабаш. – М. : Изд-во Военного института, 1981. – 227 с.
2. Береснев С. Рекуррентные единицы синтаксического уровня и вероятностная модель составляющих научного текста / С. Береснев, И. Мацукова // Субязыки и функциональные стили. – Ульяновск : Изд-во Ульяновск. пед. ин-та, 1980. – С. 86–88.
3. Биренбаум Я. К теории сложного предложения / Я. Биренбаум // Вопр. языкознания. – № 2. – 1982. – С. 50–57.
4. Губаева Т. Язык и право. Искусство владения словом в профессиональной юридической деятельности: [монография] / Т. Губаева. – 2-е изд., пересмотр. – М. : Норма : НИЦ ИНФРА-М, 2014. – 176 с.
5. Гумовська І. Англійська юридична термінологія в юридичних текстах : генезис, дериваційні та семантично-функціональні аспекти : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / І. Гумовська ; Львівський нац. ун-т ім. Івана Франка. – Львів, 2000. – 19 с.
6. Дерді Е. Словотвірні та структурно-семантичні характеристики англійських юридичних термінів : автореф. дис. ... канд. філол. наук : 10.02.04 / Е. Дерді ; Київ. нац. ун-т ім. Т. Шевченка. – К., 2003. – 21 с.
7. Заворотченко Т. Забезпечення політичних прав і свобод громадян міжнародно-правовими актами : теоретико-правовий дискурс / Т. Заворотченко // Альманах міжнародного права. – 2014. – Вип. 5. – С. 18–26.
8. Кодухов В. Введение в языкознание / В. Кодухов. – М. : Просвещение, 1979. – 351 с.
9. Ляшук А. Структура англійських юридичних термінів мікрополя на позначення суб'єкта цивільного законодавства / А. Ляшук // Мова і культура. – Вип. 6. – Т. 5, ч. 2 : Національні мови в їхній специфіці та взаємодії. – К. : Видавничий дім Дмитра Бураго. – 2003. – С. 180–187.
10. Манжос Я. Функціонування юридичних термінів на позначення майнових злочинів у юридичному дискурсі / Я. Манжос // Вісник Харківського національного університету імені В.Н. Каразіна. Сер. : Філологія. – 2013. – Вип. 74. – С. 100–105.
11. Михневич А. Ораторское искусство лектора / А. Михневич. – М. : Знание, 1984. – 190 с.
12. Опалев Р. Оценочные понятия в арбитражном и гражданском процессуальном праве : автореф. дис. ... канд. юр. наук : 12 00 15 / Р. Опалев ; Уральская гос. юр. академия. – Екатеринбург, 2008. – 29 с.
13. Рогожникова Т. Особенности судебного дискурса начала XX века (на материале омских архивных документов) / Т. Рогожникова, А. Белобородова // Коммуникативные исследования. – № 3 (5). – 2015. – С. 190–196.
14. Сморгунова В. Исторические особенности зарубежного теоретико-правового дискурса о гражданских добродетелях / В. Сморгунова // История государства и права. – 2005. – № 6. – С. 32–35.
15. Степанов Ю. Основы общего языкознания / Ю. Степанов. – М. : Просвещение, 1975. – 249 с.
16. Тімашов В. Історико-правовий дискурс становлення і розвитку прав людини / В. Тімашов // Науковий часопис НПУ імені М.П. Драгоманова. Серія 18 : Економіка і право. – 2013. – Вип. 23. – С. 193–200.
17. Трофимова А. Взаимосвязь статистического, лексического и морфологического аспектов двухкомпонентных атрибутивных конструкций в судебно-процессуальном дискурсе / А. Трофимова, Г. Дьяченко, М. Циновья // Одеський лінгвістичний вісник. – Одеса : ОНЮА. – №4. – 2014. – С. 269–272.
18. Трофимова А. Правомерность введения текстов формул изобретений (патентов) в юридический дискурс / А. Трофимова, Т. Борисенко, М. Неврева // Известия Гомельского ун-та им. Ф. Скорины. – № 4. – 2015. – С. 128–132.
19. Храмцова Н. Дискурс-правовой анализ: от теории к практике применения : [монография] / Н. Храмцова. – Курган, 2012. – 180 с.
20. Черемисина М. Некоторые вопросы теории сложного предложения / М. Черемисина. – Новосибирск : Изд-во Новосибирского ун-та, 1979. – 224 с.
21. Solan L. Finding ordinary meaning in law: The judge, the dictionary or the corpus? / L. Solan, T. Gales // Legal Discourse. – 2016. – № 1(2). P. 253–276 [Електронний ресурс]. Режим доступу : <https://www.degruyter.com/downloadpdf/j/ijld.2016.1.issue-2/ijld-2016-0016/ijld-2016-0016.pdf>.
22. Slocum B. Ordinary meaning: A theory of the most fundamental principle of legal interpretation / B. Slocum. – Chicago : The University of Chicago Press, 2015. – 355 p.

Источник иллюстративного материала

23. Administrative Tribunal of the International Labor Organization. Judgments №№ 481–497.